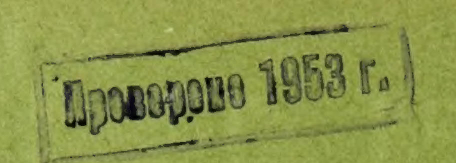
КАРТИНЫ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ

ИЗДАННЫЯ ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ И СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМЪ ТЕКСТОМЪ

С. А. КНЯЗЬКОВА.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТЪ КЪ КАРТИНѢ № 11.

МОСКВА.
ИЗДАНІЕ І. КНЕБЕЛЬ.
1908



Картины по русской исторіи.

Пятьдесятъ художественно исполненныхъ картинъ въ краскахъ, размѣромъ 66×88 см. Оригиналы картинъ исполнены художниками: Л. С. Бакстомъ, А. Н. Бенуа, И. Я. Билибинымъ, А. М. Васнецовымъ, В. М. Васнецовымъ, М. В. Добужинскимъ, С. В. Ивановымъ, Д. Н. Кардовскимъ, Б. М. Кустодіевымъ, Е. Е. Лансере, Л. О. Пастернакомъ, Н. К. Рерихомъ, В. А. Сѣровымъ.

Объяснительный текстъ, планъ и общая редакція С. А. Князькова.

---

50 картинъ по подпискѣ по 90 к.
50 картинъ, накл. на кожаной бумагѣ по 1 р. 05 к.
50 картинъ на полотнѣ по 1 р. 45 к.
Каждая картина отдѣльно 1 р. 10 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на кож. бум., 1 р. 25 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на полотнѣ, 1 р. 65 к.
Объяснительный текстъ къ каждой картинѣ по 10 к.

I. Кіевская Русь.

1) **Городище восточныхъ славянъ,** ***Н. К. Рериха.***
2) **Торгъ у восточныхъ славянъ,** ***В. М. Васнецова.***
3) Варяги, ***В. М. Васнецова.***
4) Христіанство и язычество, ***С. В. Иванова.***
5) Судъ во времена Русской Правды (X—XII вв.), ***И. Я. Билибина.***
6) Вѣче, ***А. М. Васнецова.***
7) Съѣздъ князей, ***И. Я. Билибина.***

II. Суздальская Русь.

8) Новгородскій торгъ, ***А. М. Васнецова.***
9) Баскаки, ***А. Е. Архипова.***
10) Дворъ удѣльнаго князя (XIII—XIV вв.), ***А. М. Васнецова.***

III. Московская Русь.

11) Великій государь, царь и самодержецъ всея Руси, ***С. В. Иванова.***
12) Святѣйшій патріархъ, ***С. В. Иванова.***
13) Боярская Дума (XVI—XVII вв.), ***С. В. Иванова.***
14) Земскій Соборъ (XVII в.), ***С. В. Иванова.***
15) Въ Приказѣ Московскихъ временъ, ***С. В. Иванова.***
16) Судъ въ Московскомъ государствѣ, ***С. В. Иванова.***
17) Пріѣздъ воеводы, ***С. В. Иванова.***
18) Смотръ служилыхъ людей (XVI—XVII вв.). ***С. В. Иванова.***
19) На сторожевой границѣ Московскаго государства, ***С. В. Иванова.***
20) Стрѣльцы, ***С. В. Иванова.***
21) Юрьевъ день, ***С. В. Иванова.***
22) Площадь въ городѣ Московскихъ временъ, ***А. М. Васнецова.***
23) Монастырь въ Московской Руси (XIII—XVII вв.), ***А. М. Васнецова.***
24) Школа въ Московской Руси, ***Б. М. Кустодіева.***
25) Въ горницѣ древне-русскаго дома Московскихъ временъ (XVI—XVII вв.), ***А. М. Васнецова.***
26) Въ смутное время, ***С. В. Иванова.***
27) Во времена раскола, ***С. В. Иванова.***

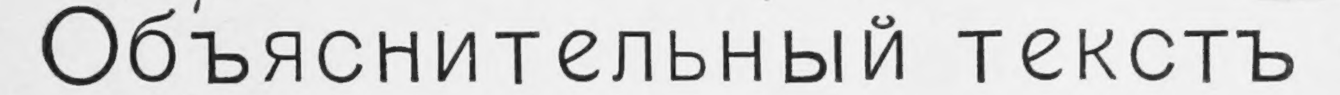
IV. Всероссійская Русь.

28) Въ Нѣмецкой слободѣ, ***А. Н. Бенуа.***
29) Солдаты Петра Великаго, ***Д. Н. Кардовскаго.***
30) Флотъ Петра Великаго, ***Е. Е. Лансере.***
31) Засѣданіе Сената Петровскихъ временъ, ***Д. Н. Кардовскаго.***
32) Постройка канала при Петрѣ Великомъ, ***В. А. Сѣрова.***
33) Въ школѣ временъ Петра Великаго, ***Д. Н. Кардовскаго.***
34) Гулянье въ Лѣтнемъ саду при Петрѣ Великомъ, ***В. А. Сѣрова.***
35) Петръ Великій, ***В. А. Сѣрова.***
36) Императрица Анна и ея дворъ (1730—1740), ***Д. Н. Кардовскаго.***
37) Цесаревна Елизавета у Преображенск. казармъ 25 нояб. 1741 г., ***Е. Е. Лансере.***
38) Выходъ императрицы Екатерины II, ***А. Н. Бенуа.***
39) Въ лагерѣ Екатерининскихъ солдатъ, ***А. Н. Бенуа.***
40) Дворянское собраніе въ Екатерининскія времена, ***А. Н. Бенуа.***
41) Въ крѣпостной деревнѣ конца XVIII, нач. XIX вѣка, ***А. Н. Бенуа.***
42) Вахтпарадъ при императорѣ Павлѣ I (1796—1801), ***А. Н. Бенуа.***
43) Въ разоренной Москвѣ (1812 г.), ***М. В. Добужинскаго.***
44) Въ военномъ поселеніи, ***М. В. Добужинскаго.***
45) Декабристы, ***Л. О. Пастернака.***
46) Ученье солдатъ въ Николаевское время, ***М. В. Добужинскаго.***
47) Городъ въ Николаевское время, ***М. В. Добужинскаго.***
48) Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ, ***Л. О. Пастернака.***
49) Люди 40-хъ годовъ, ***Л. С. Бакста.***
50) Освобожденіе крестьянъ, ***Б. М. Кустодіева.***

Картины по русской исторіи,

изданныя подъ общей редакціей

С. А. КНЯЗЬКОВА.



Объяснительный текстъ

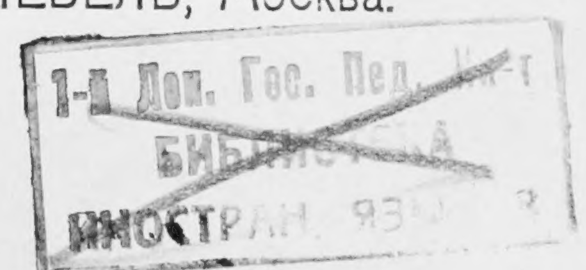
къ картинѣ № 11.

С. В. Ивановъ. Великій государь, царь и самодержецъ всея Руси.



Изданіе ГРОСМАНЪ и КНЕБЕЛЬ, Москва.

1908.



Послѣднія двадцать лѣтъ XV-го вѣка являются въ исторической жизни русскаго народа тѣмъ поворотнымъ моментомъ, когда на смѣну прежняго удѣльнаго хозяйственнаго распорядка окончательно выдвигаются новые московскіе государственные порядки. Мѣсто нѣсколькихъ великихъ княжествъ, распадающихся на множество мелкихъ и болѣе крупныхъ удѣльныхъ владѣній, занимаетъ Московское государство, вобравшее въ себя, въ свои предѣлы, земли своихъ мелкихъ и крупныхъ сосѣдей. Къ концу XV-го вѣка московскій государь—единственный владѣтель во всей Великороссіи, а вся Великороссія является объединенной вокругъ Москвы.

Пока московскій князь былъ только старшимъ и наиболѣе могущественнымъ изъ всѣхъ другихъ удѣльныхъ князей, онъ жилъ и управлялъ своимъ удѣломъ, какъ и всѣ удѣльные князья, погруженный въ заботы о томъ, какъ бы «примыслить» къ своимъ владѣніямъ сосѣдній удѣлъ, какъ бы увеличить доходность своихъ земель. Но когда московскій удѣлъ вобралъ въ свои предѣлы почти всю Великороссію, характеръ жизни и поступковъ московскаго князя должны были измѣниться. Передъ московскимъ княземъ встаютъ теперь на первое мѣсто не хозяйственныя заботы о своемъ благополучіи, а задачи государственныя по охранѣ страны отъ сосѣдей-иноплеменниковъ—литовцевъ, поляковъ и татаръ. Ставъ въ положеніе вождя въ дѣлѣ обороны страны отъ иноплеменныхъ, московскій великій князь не можетъ ограничиваться только заботами объ одной оборонѣ, передъ нимъ сама-собой возникаетъ великая задача—вернуть въ общую семью русскихъ земель тѣ русскіе области и города,

которые за время удѣльной безтолочи были заняты иноплеменниками; всѣ земли, гдѣ слышится русская рѣчь и исповѣдуется православіе, объявляются «отчиной» государя не московскаго уже только, а всея Руси.

Объединеніе всей Великороссіи около Москвы совпало съ освобожденіемъ ея отъ татарскаго ига и со взятіемъ Константинополя турками. Первое событіе дѣлало московскаго князя независимымъ ни отъ кого государемъ, такимъ же царемъ, какъ ордынскій ханъ, такимъ же самодержцемъ, какъ всѣ независимые государи; и московскій государь, отдѣлавшись отъ татаръ, съ особенной любовью величаетъ себя самодержцемъ, т.-е. независимымъ ни отъ кого государемъ. Взятіе Константинополя турками дѣлаетъ московскаго самодержца единственнымъ на свѣтѣ православнымъ государемъ, защитникомъ и хранителемъ вселенскаго православія. Бракъ Ивана III съ племянницей послѣдняго императора Византіи перенесъ на московскихъ государей все то высокое значеніе, какое имѣлъ по церковному преданію императоръ Византіи, ту «святость» царской власти, которая, по словамъ грамоты константинопольскаго патріарха московскому великому князю Василію Димитріевичу, поминается и свято чтится на всякомъ мѣстѣ, гдѣ только именуются христіане. Тогда же и гербъ Византіи—двуглавый орелъ сдѣлался гербомъ Московскаго государства.

Предшественники Ивана III-го, великіе князья московскіе, просто «садились» на великокняжескій столъ отчичъ и дѣдичъ. Иванъ III находитъ нужнымъ при жизни торжественно вѣнчать своего преемника на великое княженіе священнымъ церковнымъ обрядомъ и возложить на него «шапку» и бармы Мономаховы, которые по тогда же создавшемуся преданію были будто бы присланы византійскимъ императоромъ великому князю кіевскому Владиміру Всеволодовичу Мономаху. Въ этомъ сказаніи живо выразилась затаенная мысль и желаніе считать новое московское царство стариннымъ, исконнымъ; тогда оправдывались всѣ его успѣхи и тѣ цѣли объединенія вокругъ Москвы всѣхъ русскихъ земель, которыя ставило себѣ новое царство.

Иванъ III начинаетъ величать себя царемъ; сынъ его, Василій III, пользуется этимъ титуломъ почти постоянно у себя дома, не рискуя еще называться такъ передъ чужеземцами; впервые пе-

редъ всѣмъ свѣтомъ выступилъ съ титуломъ царя внукъ Ивана III—Иванъ Васильевичъ Грозный.

Уже Иванъ III завелъ при Московскомъ дворѣ обстановку и церемоніалъ, напоминавшіе придворный византійскій этикетъ; его внукъ, первый царь всея Руси, въ своихъ указахъ и грамотахъ торжественно именуетъ себя такъ: Мы, великій государь, царь и великій князь Іоаннъ Васильевичъ, Божіею милостью всея Русіи самодержецъ, владимирскій, московскій, новгородскій, царь казанскій, царь астраханскій, государь псковскій и великій князь смоленскій, рязанскій, тверской и т. д.

Довольно скромные въ обиходѣ своей домашней жизни, московскіе цари чрезвычайно строго соблюдаютъ пышную церемоніальность, когда имъ приходится являться народу или принимать иноземныхъ пословъ. Самые обыкновенные, почти каждодневные выходы царя къ обѣднѣ или другой церковной службѣ были церемоніальными шествіями, которыя возвѣщались и сопутствовались особымъ колокольнымъ звономъ, называвшимся выходнымъ. Къ обѣднѣ государь выходилъ обыкновенно пѣшкомъ, если было близко и позволяла погода, или въ каретѣ, а зимой въ саняхъ, всегда въ сопровожденіи бояръ и другихъ служилыхъ и дворовыхъ чиновъ. Великолѣпіе и богатство выходной одежды царя соотвѣтствовали значенію торжества или праздника, по случаю котораго дѣлался выходъ, и зависѣли отъ погоды. Лѣтомъ царь выходилъ въ легкомъ шелковомъ опашнѣ и въ золотной шапкѣ съ мѣховой опушкой, зимой въ шубѣ и въ горлатной лисьей шапкѣ, осенью и, вообще, въ ненастье—въ суконной однорядкѣ. Подъ этой верхнею одеждой былъ обычный комнатный нарядъ—зипунъ, надѣваемый на сорочку, и становой кафтанъ. Въ рукахъ у царя всегда былъ посохъ—каповый, единороговый или индѣйскій, изъ чернаго дерева. Во время большихъ праздниковъ и торжествъ царь облекался для выхода въ пышный нарядъ царскій. На немъ было тогда одѣто поверхъ богатѣйшаго зипуна и царскаго станового кафтана царское платно изъ дорогой золотной матеріи съ жемчужнымъ кружевомъ, все усыпанное драгоцѣнными каменьями; въ концѣ XVII-го вѣка эту одежду называли также порфирою. Царскій вѣнецъ, называвшійся по соболиной опушкѣ царской шапкой, бли-

сталъ драгоцѣнными каменьями—алмазами, изумрудами, яхонтами; плечи государя покрывала тоже вся расшитая самоцвѣтными камнями богатая діадема, именовавшаяся также бармами; на груди царя, на золотой цѣпи висѣлъ крестъ Животворящаго Древа или золотой крестъ со Спасовой Ризою. Въ правой рукѣ государя былъ жезлъ, богато украшенный золотомъ и каменьями; бархатные или сафьянные сапоги государя были такъ же богато расшиты золотомъ и усажены драгоцѣнными каменьями. Весь этотъ богатый нарядъ блисталъ и сверкалъ ослѣпительно, но былъ такъ тяжелъ, что государю трудно было въ немъ двигаться, и потому при церемоніяхъ его всегда поддерживали подъ руки бояре, большею частью изъ ближнихъ людей.

Свита, окружавшая государя, была также одѣта очень богато и пышно. Изъ дворца всегда отдавался приказъ, въ какомъ болѣе или менѣе драгоцѣнномъ платьѣ надо являться для участія въ царскомъ выходѣ. Если у кого изъ придворныхъ не было богатой одежды, то ему выдавалась на время выхода такая одежда изъ царской казны. Во время шествія свита шла рядами; люди меньшихъ чиновъ шли впереди, по старшинству, по два или по три человѣка въ рядъ, а бояре, окольничіе, думные и ближніе люди слѣдовали за государемъ тоже рядами по старшинству чиновъ и знатности. Шествіе открывали обыкновенно гражданскіе чины—дьяки разныхъ приказовъ и всѣ тѣ чиновники, которые были въ бархатныхъ кафтанахъ; за ними шли дворяне, стряпчіе, стольники—въ золотыхъ кафтанахъ. Эту часть шествія заключалъ постельничій съ своими подручными, которые несли царскую «стряпню»—все то, что могло потребоваться царю на выходѣ: полотенце или носовой платокъ, стулъ съ изголовьемъ или подушкою, подножье—родъ ковра, на который становился царь во время службы, солношникъ—зонтъ, защищавшій отъ солнца или дождя, скамейку подъ ноги царю. Когда царь выходилъ на богомолье въ приходскую или монастырскую церковь, то стряпчіе несли еще и особое «мѣсто»—родъ небольшого закрытаго балдахина, подъ которымъ стоялъ царь во время богослуженія. Въ концѣ XVII в. царское мѣсто имѣло подобіе трона съ сѣнью, было рѣзное, вызолоченное, высеребренное, расписанное красками. Оно имѣло видъ пятигла-

ваго храма, съ одной главой большой посрединѣ и четырьмя малыми по угламъ; главы были слюдяныя, украшенныя по верхамъ золочеными орлами. Внутри мѣсто было обито сукномъ и атласомъ краснаго цвѣта, по хлопчатой бумагѣ, съ шелковымъ или золотымъ галуномъ. Стряпчіе вообще прислуживали государю, принимали и подносили съ глубокими поклонами, когда что было нужно, посохъ, шапку, полотенце.

Царь Иванъ Васильевичъ выходилъ къ обѣднѣ въ сопровожденіи рындъ. Итальянецъ Барберини описываетъ его выходъ такъ: «Отпустя пословъ, царь собрался къ обѣднѣ. Пройдя залы и другіе дворцовые покои, онъ сошелъ съ дворцоваго крыльца, выступая тихо и торжественно, опираясь на богатый серебряно-вызолоченный жезлъ. За нимъ слѣдовало болѣе 800 человѣкъ свиты въ богатѣйшихъ одеждахъ. Шелъ онъ посреди четырехъ молодыхъ людей, сильныхъ и рослыхъ: это были сыновья знатнѣйшихъ бояръ; двое изъ нихъ шли впереди его, а двое другихъ позади, но въ нѣкоторомъ отдаленіи и на ровномъ разстояніи отъ него. Они одѣты были всѣ четверо одинаково: на головахъ у нихъ были высокія шапки изъ бѣлаго бархата съ жемчугомъ и серебромъ, подбитыя и опушенныя вокругъ большимъ рысьимъ мѣхомъ. Одежда на нихъ была изъ серебряной ткани съ большими серебряными пуговицами до самыхъ ногъ; подбита она была горностаями; на ногахъ сапоги бѣлые, съ подковами; каждый на плечѣ несъ красивый большой топоръ, блестѣвшій серебромъ и золотомъ.»

Если выходъ совершался въ какой-либо монастырь или церковь внѣ Кремля и притомъ зимой, то государь ѣхалъ обыкновенно въ саняхъ или, по тогдашнему, «шелъ саньми». Сани были большія, нарядныя, раззолоченныя и расписанныя красками, обитыя великолѣпными персидскими коврами. Возницею или кучеромъ былъ всегда стольникъ изъ ближнихъ людей, и такъ какъ тогда ѣздили безъ длинныхъ возжей, то возница сидѣлъ верхомъ на одной изъ лошадей; другой ближній стольникъ стоялъ «на ухабѣ» или на запяткахъ. У саней царя Алексѣя на «наклесткахъ», т.-е. по сторонамъ мѣста, гдѣ сидѣлъ государь, стояли знатнѣйшіе бояре, одинъ справа, другой слѣва, а на оглобляхъ, у саннаго передняго щита, стояли ближ-



ніе стольники, тоже одинъ съ правой стороны, а другой—съ лѣвой.

Около государя, за саньми, шли бояре, окольничіе, думные люди, стряпчіе, несшіе царскую стряпню. Весь поѣздъ сопровождался сотней стрѣльцовъ съ батогами въ рукахъ «для тѣсноты людской». Стрѣльцы съ батогами выстраивались, обыкновенно, по пути всѣхъ царскихъ шествій, оттѣсняя напиравшую массу любопытныхъ, одни изъ которыхъ становились на колѣна, другіе падали ницъ, привѣтствуя государя здравствованіемъ на многія лѣта. Стрѣльцы съ батогами двигались обыкновенно вмѣстѣ съ шествіемъ, образуя движущуюся шпалеру, охранявшую все шествіе.

Впрочемъ, порядокъ царскихъ выходовъ не всегда былъ одинаковъ и измѣнялся сообразно празднеству или особому торжеству. На картинѣ изображена та часть торжественнаго царскаго выхода, центральнымъ лицомъ которой является самъ великій государь. Онъ въ большомъ царскомъ нарядѣ, торжественно выступая, идетъ, поддерживаемый двумя боярами. Сзади видна свита, спускающаяся съ Краснаго крыльца. Шествіе направляется прямо отъ угла Грановитой палаты, который и служитъ фономъ картины. По сторонамъ шествія стоятъ стрѣльцы Стремяннаго полка, который одинъ только имѣлъ кафтаны краснаго цвѣта съ бѣлыми нашивками. Въ рукахъ у стрѣльцовъ батоги «для тѣсноты людской». Когда шествіе развернется, стрѣльцы пойдутъ по сторонамъ его.

Такъ близко отъ дворца не можетъ быть большой толпы — дворецъ слишкомъ „святое мѣсто", чтобы допускать около его параднаго крыльца скопленіе народа, но кое-кто изъ народа, быть можетъ, изъ прикосновенной ко дворцу многочисленной челяди, пробрался и сюда, и въ просвѣты между стрѣльцами виднѣются фигуры склонившихся и кланяющихся земно великому государю людей.

(См. *И. Е. Забѣлина*, „Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII в.". Изданіе 3-е, М. 1895, гл. IV, стр. 367—435).

Настоящее изданіе картинъ по русской исторіи ставитъ себѣ задачей дать рядъ изображеній характернѣйшихъ моментовъ культурной жизни Россіи, опредѣляющихъ ея историческое развитіе и очерчивающихъ ея прошлый бытъ, какъ его можно себѣ представить на основаніи памятниковъ прошлаго и научныхъ изслѣдованій старины.

Курсъ русской исторіи обычно принято дѣлить на четыре большихъ періода: I. Кіевская Русь; II. Суздальская Русь; III. Московская Русь; IV. Всероссійская Русь.

Важнѣйшими уроками въ изложеніи перваго періода можно считать разсказы: *о славянахъ, предкахъ русскаго народа, объ ихъ торговлѣ, о появленіи варяговъ* и объ ихъ значеніи въ созданіи славяно-русской государственности, *о началѣ христіанства на Руси, о судѣ, объ управленіи вѣчевомъ и княжескомъ* въ Руси Кіевскихъ временъ. Семь картинъ на соотвѣтствующія темы въ предлагаемомъ изданіи и ставятъ себѣ цѣлью дать живописное художественное изображеніе указанныхъ моментовъ исторической жизни русскаго народа.

Въ Суздальскій періодъ исторической жизни великорусскаго народа изученіе его прошлыхъ судебъ болѣе всего останавливается на внѣшнемъ фактѣ татарскаго нашествія, приведшаго въ концѣ-концовъ къ исчезновенію самостоятельности Южной Руси, вскорѣ завоеванной Литвой, и на установленіи на сѣверо-востокѣ удѣльнаго строя государственной жизни. На эти темы даются двѣ картины: „*Баскаки*“ и „*Дворъ удѣльнаго князя*“.

Картины, освѣщающія бытъ Московскаго государства, можно раздѣлить на четыре большихъ группы. Первая имѣетъ задачей показать въ художественномъ изображеніи государственную власть тѣхъ временъ въ ея обычномъ каждодневномъ проявленіи. (См. по списку картины 11—17.) Ко второй группѣ картинъ относятся тѣ, которыя даютъ изображенія моментовъ жизни трехъ важнѣйшихъ отдѣльныхъ слоевъ общества тѣхъ временъ въ ихъ отношеніи къ государству, въ ихъ „службѣ“ государству. (См. карт. 18—22.) Третья группа картинъ имѣетъ задачей иллюстрировать тѣ стороны жизни, которыя въ общежитіи преимущественно называютъ культурными. (См. карт. 23—25.) Четвертую группу картинъ, относящихся къ исторіи Московскаго государства, составляютъ двѣ, имѣющія своей задачей изобразить моменты изъ тѣхъ двухъ крупныхъ событій, которыя не только потрясли въ основаніи Московское государство, но наиболѣе ярко за все время его существованія опредѣлили, чѣмъ оно жило, какой характеръ устои его жизни имѣли и сколь жизненно прочны они были. Эти событія, конечно, „*Смута*“ и „*Расколъ церкви*“. Карт. 26 и 27 даютъ характерную сцену изъ исторіи смутнаго времени и изъ временъ раскола.

Картины, относящіяся къ двумъ послѣднимъ вѣкамъ русской исторіи, не представилось возможнымъ сгруппировать въ такія же цѣльныя и сравнительно полныя серіи, опредѣленно, немногими яркими чертами рисующія суть жизненныхъ явленій и быта даннаго времени. Препятствовали этому, съ одной стороны, большая сложность и многообразность явленій исторической жизни за это время, а съ другой—историческая близость къ нашей современности, своего рода незаконченность развитія многихъ сторонъ жизни XVIII и XIX вв. Поэтому пришлось взять для иллюстраціи характерные для каждаго раздѣленія моменты иногда болѣе внѣшняго, чѣмъ внутренняго значенія, но всегда имѣя въ виду иллюстрировать не самый фактъ, взятый самъ-по-себѣ, а воспользоваться имъ въ его внутреннемъ смыслѣ— взять его какъ характерный для данной эпохи, какъ обобщающій извѣстное историческое состояніе даннаго времени.

Время Петра Великаго, какъ время реформъ, въ результатѣ положившихъ грань между Русью Московской и имперіей Всероссійской и легшихъ въ основу исторической жизни Россіи, какъ европейской державы, рисуютъ

картины, которыя очерчивають главнѣйшія изъ реформъ, ... ніе новыхъ людей, новаго быта, новаго управленія и указ... реформатора въ его дѣятельности. (См. картины 28—35.)

Времени наслѣдниковъ Петра Великаго, характеризуем... какъ время дворцовыхъ переворотовъ и господство фавор... посвящены картины 36 и 37.

Времени Екатерины II посвящено четыре картины (38—41): *„Выходъ императрицы Екатерины II“*, *„Въ лагерѣ Екатерининскихъ солдатъ“*, *„Дворянское собраніе при Екатеринѣ II“*, *„Въ крѣпостной деревнѣ конца XVIII в.“*.

Картина (42) *„Вахтпарадъ императора Павла I“* характеризуетъ это сумрачное царствованіе съ его шагистикой и муштровкой.

Времени Александра I посвящаются три картины. Первая изображаетъ опредѣляющее внѣшнее событіе того времени—1812 г., рисуя *разореніе Москвы* французами (43); вторая характеризуетъ смутное и тяжелое время аракчеевщины, изображая сцену *изъ жизни военныхъ поселеній* (44); третья (45), *„Декабристы“*, даетъ изображеніе изъ исторіи протеста противъ гнета аракчеевщины.

Время Николая I характеризуется картинами въ трехъ направленіяхъ, какія намѣчались въ тогдашней жизни. Это, во-первыхъ, все нивеллирующая и ставящая въ одну шеренгу, подъ одну фельдфебельскую палку, солдатчина, съ ея балетной муштрой и ярко начищенной амуниціей. (См. карт. 46 — *„Ученье рекрутъ въ Николаевское время“*.) Второй чертой Николаевскаго времени, во многомъ являвшейся слѣдствіемъ установившагося режима и господства крѣпостного права, является та общественная неподвижность и спячка опекаемыхъ благодѣтельнымъ начальствомъ среднихъ слоевъ населенія. Картина (47), изображающая *„Городъ Николаевскихъ временъ“*, пытается дать внѣшнее изображеніе жизни русскаго обывателя тѣхъ временъ, а картина *„Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ“* (48) рисуетъ тѣ вольно и невольно беззаботно веселыя стороны тогдашней жизни, въ которыхъ почти исключительно выражалась вся ея общественность. Третьей чертой Николаевской эпохи, конечно, будетъ то пробужденіе мысли и стремленіе къ жизни и свѣту, котораго ничто не смогло задавить и которое выразилось въ декабристахъ, Пушкинѣ, расцвѣтѣ литературно-научныхъ интересовъ въ Москвѣ съ ея университетомъ, около 40-хъ годовъ, когда гремѣли по московскимъ гостинымъ споры западниковъ и славянофиловъ, а въ Московскомъ университетѣ раздавалось вдохновенное слово Т. Н. Грановскаго. На эту тему и отвѣчаетъ картина (49) *„Люди 40-хъ годовъ“*.

Картина (50), относящаяся къ моменту *освобожденія крестьянъ*, завершаетъ собой пока серію картинъ по русской исторіи.

Въ распоряженіе преподавателя русской исторіи поступаютъ, такимъ образомъ, пятьдесятъ картинъ, изображающихъ важные моменты въ развитіи жизни русскаго народа. Горячимъ желаніемъ издателя, составителя плана и редактора и всѣхъ принимавшихъ участіе въ созданіи самыхъ картинъ было, чтобы онѣ сослужили свою добрую службу русской школѣ, изученію прошлаго русской жизни, пробужденію любви къ тому прошлому; какъ порой ни печально и ни безотрадно оно было, но оно пережилось и, въ концѣ-концовъ, должно привести черезъ плодотворное настоящее къ доброму и свѣтлому будущему, вѣрно понять и оцѣнить которое безъ знанія прошлаго нельзя.

Кромѣ этой серіи, нами намѣчено изданіе ряда картинъ, которыя изображаютъ важнѣйшіе моменты русской исторіи въ ея связи со внѣшними событіями, среди которыхъ совершался политическій ростъ страны и развитіе русской державы.
